

День космонавтики

В песках Тюра-Тама

Вчера Россия отметила юбилейный День космонавтики – шестьдесят лет назад на земную орбиту впервые вывели космический корабль, на борту которого находился человек

Космодром Байконур, 60-е годы

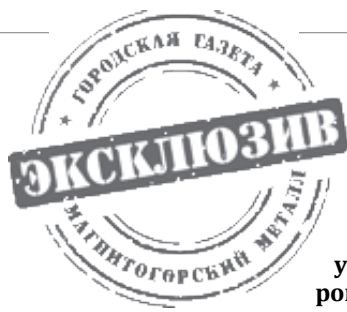
Юрий Гагарин

Шаровые ёмкости для хранения топлива

Леонид Котельников

В День космонавтики принять чествовать лётчиков-космонавтов, конструкторов, учёных, инженеров – словом, всех, кто трудится в космической индустрии. В Магнитогорске свои космические герои. Они не испытывали космическую технику, не дежурили в Центре управления полётом, но их вклад в развитие космической мощи страны от этого ничуть не меньше. Магнитогорцы проходили срочную службу на легендарном Байконуре, участвовали в его строительстве в разные годы.

Засекреченный объект

– Где только не работали специалисты нашей организации! На самых сложных, а порой и секретных стройках. Довелось оставить «автограф» и на Байконуре, – вспоминал ветеран Прокатмонтажа Валентин Георгиевич Попов. – Причём в космической гавани Прокатмонтаж работал дважды. Первый раз – в 1965 году. Бригада такелажников во главе с Марком Ивановичем Варовым с помощью мачты поднимала мостовые краны в монтажно-испытательном корпусе по сборке космических аппаратов. А руководил этой сложной работой мастер Юрий Иосифович Кижло. Управились за три месяца – в рекордные даже по тем временам сроки. В дальнейшем с помощью этих кранов собирали корабли «Союз». Из соображений секретности с каждым специалистом Прокатмонтажа представители соответствующих органов проводили беседы, запрещая даже вслух произносить названия мест, где они высаживались, и уж тем более рассказывать об этом где-либо.

С первых дней существования Байконур был окружён государственной тайной. Место для его строительства выбирала экспертная комиссия. Рассматривали Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан. В результате остановились на пустынном районе Казахстана. Дело в том, что из всех вариантов полигон в Казахстане был самым южным. Следовательно, с большей эффективностью можно было использовать центробежную силу вращения Земли, а это было немаловажно при выведении аппаратов в космическое пространство.

Откуда взялось название «Байконур»? При оформлении документов на установление рекордов Юрия Гагарина по дальности и высоте полёта в Международной авиационной федерации в Париже необходимо было указать место старта. Чтобы не рассекречивать полигон, указали посёлок Байконур, расположенный в 400 километрах к северу. Говорят, для того, чтобы окончательно запутать «потенциального противника», там возвели ложный старт с большой деревянной ракетой. Её круглосуточно охраняли, но только для того, чтобы местные жители не растащили сооружение на дрова. А позже название Байконур перешло на настоящий космодром.

– Второй «визит» Прокатмонтажа на Байконур состоялся в 1980 году, – рассказывал Валентин Георгиевич. – Я был в составе группы. Работали на площадке «201», под руководством старшего прораба Михаила Тарасовича Шумакова возводили шаровые ёмкости с разводкой криогенных трубопроводов для хранения топлива к космическим аппаратам «Буран». Курировал

процесс заместитель начальника управления «Прокатмонтаж» Владимир Александрович Чурилов. Задача была сложная. Вначале из «лепестков» собирали один шар, а затем вокруг него другой. Сборку вели при помощи манипулятора. Особое внимание уделяли технологии сварки. Дело было зимой, а сварочные работы при температуре ниже пяти градусов недопустимы.

Поэтому пришлось построить над монтажным участком огромный купол из прочного тента, который с помощью генераторов снизу обогревался горячим воздухом. Так и работали. В городе Ленинске нам выделили квартиры. До площадки добирались с пересадками: сначала на поезде – до станции, названия которой нам знать не полагалось, а оттуда на машине до места работы. Из Прокатмонтажа было человек сто. На Байконуре жили в казарме, которая располагалась

в одноэтажном бараке. В каждой комнате по 15–20 человек. Зимой, когда морозы достигали 30 градусов, топили печку. Из удобств была только баня, в которую водили раз в неделю. Кормили по-армейски, а вот пить приходилось только кипячёную воду, сырая вызывала сильнейшие пищевые расстройства, единственным лекарством от которых был отвар из верблюжьей колючки.

Но больше чем климат и бытовые неудобства выматывала бумажная работа. Согласно требованиям военной приёмки на каждую ёмкость нужно было оформить километры всевозможных документов. Но, несмотря ни на что, работали мы с энтузиазмом и полной отдачей.

Дрожь земли

Леонид Петрович Котельников проходил срочную службу на космодроме Байконур. В 1964 году эшелон с новобранцами прибыл на станцию Тюра-Там. В 50–60-е годы это был небольшой разъезд, состоявший из нескольких юрт, трёх кирпичных зданий, водонапорной башни и глинобитных домиков, в которых жили железнодорожники. Поезда там практически не останавливались, а единственным средством передвижения были верблюды.

– Приехали ночью. Вдалеке сияние: то ли город, то ли крупный посёлок, – вспоминал Леонид Петрович. – Позже узнали, что это десятая площадка светилась, где штаб полигона находился. Распределили нас в сержантскую школу, где готовили ракетчиков для шахт, для наземных пусков. Начальник школы договорился с космической частью, которая располагалась через дорогу, там мы постигали технические азы. Часто бывали в монтажно-испытательном корпусе. Это огромный зал, куда свободно въезжал маневровый тепловоз, доставлявший специальные вагоны с отдельными ракетными блоками. Разгрузку осуществлял мостовой кран. Кстати, для маскировки ракеты привозили в вагонах, внешне выглядевших как обычные пассажирские. Моя специальность называлась «бортовик» и предполагала работу с электричеством.

На Байконуре Леонид Котельников прослужил три года. За это время он стал свидетелем стольких знаменательных событий, что воспоминаний хватило бы на целую книгу.

– Это было зимой 1964-го. Предварительно эвакуировали жителей, военнослужащих и гражданский персонал. В нескольких километрах вырыли траншеи, где люди должны были укрываться на случай аварии, – рассказывал Леонид Петрович. –

Владимир Чурилов

Запускали спутник серии «Электрон», предназначенный для изучения радиационного пояса Земли и связанных с ним физических явлений. Раздался страшный грохот, земля в буквальном смысле стала ходить ходуном. Хотелось вжаться в почву, срастись с ней. Никогда больше не доводилось мне переживать подобных ощущений.

С особым чувством вспоминал Леонид Петрович свои встречи с космонавтами и конструкторами. Эти люди в буквальном смысле творили историю освоения космоса, но в обычной жизни были далеки от своих официальных газетных образов.

– На второй площадке, где мы служили, справа от въезда стояли два финских домика: первый королёвский, а второй гагаринский, – отмечал Леонид Петрович. – А перед ними – футбольное поле. Идём как-то после матча, а навстречу полковник, на груди – звезда Героя Советского Союза. Оказалось, это космонавт Владимир Комаров. Автографы он оставил даже на наших комсомольских билетах. Это был первый космонавт, которого я увидел.

Довелось Леониду Петровичу повстречаться и даже пообщаться в неформальной обстановке с человеком-легендой – Юрием Гагариным. Но легендой он был только на страницах газет и кадрах кинохроники, а в жизни – простой, обаятельный, улыбчивый человек.

– Когда Гагарин приезжал на полигон, то всегда приходил к своему другу космонавту Павлу Беляеву, который был начальником нашей группы, – вспоминал Леонид Петрович. – Юрий Алексеевич переодевался и приходил к нам запросто, в трико. Однажды дневальный не признал его в этой одежде и не хотел пускать в расположение группы. Хорошо помню, как увидел знаменитого Королёва. Это было 11 января 1965 года. Зимой вдруг пошёл настоящий дождь. Нас отправили на уборку территории. Стоим, долбим лёд, видим – едет чёрный «волгарь». Из машины вышел невысокий крепкий человек в длинном пальто, под мышкой – папка. Сослуживец из Верхнеуральска Бородин толкнул меня локтем и сказал: «Смотри, Королёв!». Запомнилось, что он был в шапке-ушанке, с оторванным по тогдашней моде козырьком. Ну и лицо – хмурое, сосредоточенное.

Перед тем как запустить в космос человека, всё отработывали на собаках. Долгие годы на Байконуре ходила байка о том, как накануне запуска одна из собак сбежала. Чтобы избежать наказания, специалисты поймали в степи похожую дворняжку и отправили её в космос. После того как четвероногие космонавты благополучно вернулись на Землю, на космодроме родилась шутка, что «любая байконурская собака – это потенциальный космонавт».

– Ими занимался космонавт Борис Егоров, врач по образованию. Впервые мы встретились с ним на 32-й площадке, – вспоминал Котельников. – Наш земляк Шарфудинов варил собакам еду, и мы часто к нему приходили, поэтому видели, как собак готовили в «космонавты». Кабина была размером с два журнальных столика, сверху прозрачная. Готовили тогда около 30 животных. То и дело возникали различные ситуации. Так, например, работе специальной вытяжной системы в кабине мешал собачий хвост. Поэтому его пришлось купировать. В желудках собак сделали отверстия – фистулы, через них при помощи зонда осуществлялось принудительное кормление, чтобы собаки во время длительного космического эксперимента не смогли отказаться от пищи, а выделения их при этом были минимальны. Лучше всех полёты переносили дворняги.